

ОТЪ ТИФЛИСА ДО ДЕНГИЛЬ-ТЕПЕ.

(Изъ записокъ участника.)

(Статья вторая) (*).

Окончаніе главы II-й.

Получивъ въ день моего пребытія въ Чекишляръ приглашеніе отъ начальника отряда отобѣдать у него, я къ часу пополудни подошелъ къ кибиткѣ, предназначенной для столовой и стоявшей рядомъ съ кибиткой, въ которой я былъ принять утромъ генераломъ Лазаревымъ. Група офицеровъ ожидала выхода командующаго войсками изъ его кибитки. Ожидавшіе составляли его штабъ. Генераль не заставилъ себя долго ждать. Выпивъ рюмку водки и закусивъ, сѣли за длинный столъ, всего человекъ пятнадцать, и принялись за обѣдъ. Тутъ же, въ кибиткѣ, стояла машинка для приготовления льда, и два милиціонера медленно качали находящійся при ней насосъ. Въ привинченнахъ къ машинкѣ графинахъ постепенно кристаллизовалась вода, превращаясь въ ледъ. Когда въ графинахъ образовалась достаточное количество льда, то графины отвинчивали и ставили на столъ, къ тому концу, гдѣ сидѣлъ Лазаревъ. Впрочемъ, вообще машинка, подобная той, что была у Лазарева и Корганова, совсѣмъ не удовлетворяла своему назначенію, поглощая очень много труда и матеріала и результатомъ давая очень небольшое количество льда. Замѣчу, что здѣсь, какъ и повсюду, мухи просто отравляли наше существованіе весь іюнь и іюль мѣсяцы, и человекъ, не видавшій ихъ въ Чекишлярѣ, не можетъ себѣ составить яснаго понятія о томъ, до какого страшнаго количества можетъ размножиться это докучливое насѣкомое. Заснуть, не укутавшись съ головою, не представлялось ни малѣйшей возможности, вслѣдствіе чего большинство офицеровъ обзавелось кисейными пологамн, опускавшимися вплоть до земли. Но даже подъ пологомъ нельзя было себя считать оконча-

тельно гарантированнымъ отъ укушенія, такъ какъ того времени, когда забираешься подъ пологъ, достаточно, чтобъ нѣсколькимъ штукамъ пробраться подъ него и начать беспокоить васъ. Выпить стаканъ чаю или вина, съесть тарелку супу, безъ того, чтобъ не попадало нѣсколько мухъ, было немислимо.

Генераль Лазаревъ за обѣдомъ все время очень оживленно рассказывалъ своимъ сосѣдямъ о прежней жизни на Кавказѣ и главнымъ образомъ въ Дагестанѣ. Много интереснаго можно бы было почерпнуть изъ его рассказовъ, такъ какъ вся жизнь его была рядомъ боевыхъ подвиговъ, совершенныхъ главнымъ образомъ въ эпоху окончательнаго покоренія Кавказа и блистательно закончившихся штурмомъ Карса, въ минувшую русско-турецкую войну. Уроженецъ города Шуши, изъ Карабахскихъ бековъ, Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ, 18 лѣтъ отъ рода, поступилъ рядовымъ въ пѣхотный генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго (нынѣ Ширванскій) полкъ, причемъ въ званіи рядоваго получилъ знакъ военнаго ордена и въ 1842 году произведенъ за отличіе въ прапорщики. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно принималъ участіе во многихъ экспедиціяхъ, направленныхъ для усмиренія горцевъ, и всѣ ордена и чины получилъ за военныя отличія.

Въ 1850 году, будучи капитаномъ, И. Д. Лазаревъ былъ назначенъ управляющимъ ханствомъ Мехтулинскимъ, а въ 1859 году командовалъ войсками въ среднемъ Дагестанѣ и управлялъ Даргинскимъ округомъ, а также участвовалъ при взятіи Гулиба. Владѣя въ совершенствѣ нѣсколькими восточными нарѣчіями, имѣя тактъ и умѣнье обращаться съ горцами, вполне изучивъ ихъ характеръ, онъ выказалъ блестящія способности въ дѣлѣ административнаго управления туземцами. Въ 1860 году онъ былъ произведенъ въ генераль-майоры, причемъ снова принималъ участіе въ экспедиціяхъ противъ горцевъ и былъ при усмиреніи Ункратля и Андалая, а въ 1866 году, произведенный въ генераль-лейтенанты, назначенъ начальникомъ 21-й пѣхотной дивизіи. За это время генераль Лазаревъ былъ раненъ два раза: въ 1847 году у аула Салты и въ 1848 году при взятіи Мескинжинскихъ заваловъ (слѣдствіемъ чего было освобожденіе отъ блокады укрѣпленія Ахты) пулею въ шею и камнемъ въ голову, кромѣ того контуженъ въ плечо. Въ началѣ нашей послѣдней войны съ Турціей первое время Лазаревъ былъ начальникомъ тыла и не могъ показать своихъ блестящихъ военныхъ способностей, но лишь только призвали его въ передовыя войска, то сейчасъ же боевое счастье, сопутствовавшее ему повсюду, вновь улыбнулось ему, и

(*). См. «Воен. Сборн.», 1884 г., № 6-й.

въ дѣлѣ 3-го октября, командуя сильною обходною колонною (23 баталіона, 78 орудій и 28 эскадроновъ и сотенъ), генераль Лазаревъ смѣло вышелъ въ тылъ туркамъ и отрѣзалъ отступление большей части арміи Мухтаръ-паши, принудивъ сложить оружіе и сдаться въ плѣнъ. Блестящимъ финаломъ боевой дѣятельности Ивана Давыдовича было взятіе штурмомъ, подъ личнымъ его начальствованіемъ, крѣпости Карса. Минувшая война дала ему Георгія 2-й и 3-й степени; по окончаніи же оной, пріѣхавъ въ Петербургъ—отблагодарить Государя за эти высшія военныя награды, Лазаревъ въ день Георгіевского праздника въ 1878-мъ году былъ назначенъ генераль-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Послѣ войны не долго пришлось генералу почивать на лаврахъ: задумали экспедицію, и для начальствованія оной выборъ палъ на Ивана Давыдовича Лазарева. Болѣе подходящаго по боевымъ качествамъ и по умѣнью вести дѣло съ азіятами трудно было найти между нашими военно-начальниками. Нѣкоторые, впрочемъ, выражали опасенія, что у генерала не было опытности въ веденіи степной войны и совершеніи трудныхъ походовъ по пустынѣ, такъ какъ всю свою боевую службу провелъ онъ въ горахъ. Дѣйствительно, въ походѣ по пустынѣ все должно быть глубоко обдуманно, рассчитано, взвѣшено. Въ пустынѣ нѣтъ никакой возможности достать что бы то ни было, и если въ снаряженіи отряда до выступления его въ походъ есть упущенія, то ихъ впоследствии ничѣмъ нельзя поправить. Если по пустынямъ и проходили полчища арабовъ, монголовъ, персовъ и другихъ азіатцевъ, при организаціи которыхъ трудно допустить строгую послѣдовательность и разумныя основы, то движеніе это по ихъ складу жизни и по способу веденія ими войны непримѣнимо къ европейскимъ войскамъ. Походъ азіатскаго завоевателя находилъ первообразъ въ перекочевкѣ съ мѣста на мѣсто кочевыхъ народовъ. Азіатскіе народы имѣютъ особую способность легко переносить жажду, зной, недостатокъ пищи, т. е. все тѣ невзгоды и лишенія, которыя приходилось имъ испытывать при обыкновенной кочевой жизни. Скотъ слѣдовалъ за арміей, причемъ не надо забывать, что азіаты не брезгаютъ и падалью. Охота на звѣрей и птицъ тоже помогала въ дѣлѣ продовольствія, и Чингисъ-ханъ, имѣя это въ виду, запретилъ бить дичь съ марта по октябрь, дабы не перевести ея. Наконецъ такія мѣры, какъ предпринятая Тимуромъ передъ походомъ на Китай, когда онъ приказалъ согнать на Китайскую границу 30,000 верблюдовъ, чтобы молоко ихъ кормить своихъ воиновъ, немыслимы у насъ. Съ европейскими войсками необходимо имѣть въ виду насколько возможно восполнить

лишенія, происходящія отъ измѣненія той обстановки, при которой сложилась жизнь людей. Но мнѣ кажется, что знаніе солдатской жизни, потребностей ея и привычекъ, изученныя начальникомъ отряда въ продолженіе многихъ лѣтъ службы, въ постоянномъ соприкосновеніи съ нижними чинами, подсказали-бы ему тотъ пробѣлъ въ его военномъ знаніи, который у другихъ вырабатывался путемъ опыта, указали бы ему при помощи нѣсколькихъ лицъ изъ окружавшихъ его, изучившихъ походы по пустынямъ, тѣ слабыя пункты организаціи отряда, на которые слѣдовало-бы обратить вниманіе.

Пріѣхавъ въ Чекишляръ 21-го мая, генераль дѣятельно, горячо принялся за дѣло устройства отряда и всего необходимаго для движенія экспедиціи. Но прежде чѣмъ согласиться принять начальствованіе надъ отрядомъ, генераль пріѣзжалъ уже въ Чекишляръ изъ Тифлиса въ концѣ марта, чтобы познакомиться съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ краѣ. Представители туркменъ, кочующихъ на нашей сторонѣ Атрека, встрѣтили его, въ первый пріѣздъ, хлѣбомъ и солью и тутъ же, дивясь его атлетическому сложенію и громадной фигурѣ, дали ему названіе батырь-сардара (богатырь главнокомандующій). Въ то же время прибылъ изъ Ахаль-теке сынъ Тыкма-сардара, старшины крѣпости Беурма Акверды-ханъ, привезя съ собою двухъ нашихъ солдатъ, захваченныхъ текинцами въ сентябрѣ 1878 года у Чата. Эти плѣнные должны были быть обмѣнены на 14 текинцевъ, взятыхъ нами въ плѣнъ съ караваномъ, въ отместку за пять солдатъ, бывшихъ у текинцевъ. Двое нашихъ солдатъ были выпущены текинцами раньше, такъ что, за выключеніемъ двухъ привезенныхъ Акверды-ханомъ, въ плѣну оставался всего одинъ, котораго купила одна богатая вдова-текинка, объявившая, что выпуститъ его только тогда, когда получитъ обратно своего сына, взятаго нашими войсками въ Вологдѣ. Генераль приказалъ отпустить на волю 14 текинцевъ, заявивъ Акверды-хану, что за послѣднимъ русскимъ плѣннымъ и за тѣмъ, что взять текинцами еще раньше, придетъ къ нимъ и отниметъ ихъ самъ. Акверды-хана Лазаревъ приласкалъ, отнесся къ нему какъ нельзя лучше и, отпуская его во-свояси, назначилъ ему 50 руб. и его отцу Текмесъ-сардару 100 р. въ мѣсяцъ, причемъ поручилъ ему передать отцу письмо слѣдующаго содержанія:

«Я, генераль-адъютантъ Лазаревъ, назначенъ Его Императорскимъ Величествомъ, Бѣлымъ Царемъ, съ большимъ числомъ войскъ совершить походъ въ степь. Ваши соплеменники нѣсколько лѣтъ тому назадъ напали на нашъ отрядъ, расположенный у Михайловскаго за-

лива; въ прошломъ году они сдѣлали нападеніе на Ходжамъ-Кала. Поэтому я долженъ смирить вашихъ разбойниковъ и водворить у васъ спокойствіе. Извѣщаю, что иду на васъ открыто, и если вы будете воевать, то очень этому радъ. Но въ коранѣ сказано: «если врагъ твой окажется сильнѣе тебя, то подчинись ему, какъ мнѣ, не смотря на его вѣру». Слова эти и совѣты мои передай текинскому народу. 3-го марта я благополучно прибылъ въ Чекишляръ и засталъ тамъ твоего сына Акверды-хана, что меня привело въ восторгъ. Я увидѣлъ, что ты поступилъ умно и что имѣешь горячее желаніе служить нашему Великому Бѣлому Царю. Настоящее письмо посылаю съ твоимъ сыномъ, для объявленія его народу. Помни, что цѣль нашего похода въ Теке заключается въ томъ, чтобы водворить тишину и спокойствіе и усмирить вашихъ непослушныхъ. Кто будетъ честно и усердно служить Бѣлому Царю, того я буду защищать; кто не будетъ повиноваться мнѣ, того я накажу примѣрно. Будьте въ этомъ увѣрены».

«Въ непродолжительномъ времени я съ войсками выступлю къ вамъ. Передайте мои совѣты ахаль-текинцамъ. Пусть они явятся съ покорностью, когда я прибуду въ ихъ землю. Если они не намѣрены явиться съ покорностью, то предупреди ихъ, чтобы потомъ не имѣли на меня претензій. Мы всѣ дѣти пророка Адама. Каждый изъ насъ долженъ держать и хранить свою вѣру крѣпко. Намъ до вашей вѣры нѣтъ никакого дѣла. Напротивъ, мы любимъ тѣхъ, которые свято исполняютъ свои обряды. Я иду къ вамъ собственно для усмиренія вашихъ злыхъ и непослушныхъ. По прибытіи въ Чекишляръ я отпустилъ всѣхъ вашихъ плѣнныхъ. Въ настоящее время у васъ осталось два нашихъ солдата. Если возвратите ихъ мнѣ, то будетъ хорошо; если же не возвратите, то я ихъ самъ найду, хотя бы они были подъ землею».

Какъ оказалось въ послѣдствіи, по полученіи этого письма, Тымсардаръ собралъ старшинъ многихъ ахаль-текинскихъ родовъ и прочиталъ имъ его нѣсколько разъ; нѣсколько дней толковали старшины и, не придя ни къ какому результату, разошлись. Отвѣтъ Тымсардара на письмо привезъ текинецъ Мулла-Мурадъ. Ему Лазаревъ предложилъ объѣхать лагерь, причемъ послѣ побѣдки спросилъ его: «Ну что, много видѣлъ войска?» — «Много». — «Знаешь-ли, противъ кого собраны эти войска?» — «Противъ текинцевъ». — «Такъ и передай своимъ; но пойми, что здѣсь собрана только половина войска. Другаго отвѣта на письмо Тымсардару не будетъ».

На этомъ и прекратились наши дипломатическія сношенія съ

однимъ изъ вліятельнѣйшихъ старшинъ ахаль-текинцевъ, ничѣмъ не проявившихъ желанія покончить съ нами путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Какая была вообще цѣль экспедиціи? Этотъ вопросъ задавалъ себѣ каждый изъ участниковъ и каждый объяснял по своему. Безчинства, производимыя ахаль-текинцами на берегахъ Каспійскаго моря, являлись помѣхой къ развитію вносимаго нами въ наши средне-азіятскія владѣнія преуспѣванія на пути къ цивилизаціи и прогрессу. Хищническое гнѣздо ихъ оставалось единственной страной въ Средней Азій, откуда безнаказанно производились набѣги на сосѣднія страны и преимущественно на пограничныя персидскія владѣнія; взятыхъ тамъ плѣнныхъ продавали текинцы въ рабство, главнымъ образомъ, въ Бухару, но иногда даже и въ наши туркестанскія владѣнія. Россія, имѣя въ виду прекратить разъ навсегда подобныя безобразія, рѣшила подчинить своей власти это разбойничье племя или же, въ случаѣ сопротивленія, уничтожить его. Въ такомъ духѣ и написано письмо Лазаревымъ, служившее нѣкоторымъ образомъ воззваніемъ къ благоразумію текинцевъ.

По первоначальному плану предполагено было, сосредоточивъ весь отрядъ къ 15-му мая въ Чатъ, немедленно идти въ землю ахаль-текинцевъ, для того, чтобы захватить на корню посѣвы ячменя и пшеницы или, по крайней мѣрѣ, во время уборки, такъ какъ въ оазисѣ хлѣба снимаются около іюня. Хотя всѣ части, которыя должны были войти въ составъ отряда, были въ полной готовности къ выступленію изъ своихъ штабъ-квартиръ къ 15-му апрѣля, но, вслѣдствіе начавшихся въ 1879 году черезчуръ рано сильныхъ жаровъ, плохого состоянія дорогъ между Тифлисомъ и Баку и значительнаго между ними разстоянія, необходимо было дать срокъ для передвиженія изъ столицы Кавказа къ вышеупомянутому порту не менѣе 38 дней; затѣмъ, не смотря на то, что общество «Кавказъ и Меркурій» предоставило для перевозки войскъ съ ихъ тяжестями шесть большихъ паровыхъ шкуновъ и частью четыре почтовыхъ парохода, а интендантскія и другія тяжести возило на парусныхъ судахъ, все-таки доставка войскъ изъ Баку и Петровска въ Чекишляръ производилась крайне медленно.

Войска не желали мирнаго окончанія затѣяннаго дѣла. Упоенныя еще свѣжими въ памяти побѣдами минувшей войны съ турками, наслышавшись объ легкости нѣкоторыхъ туркестанскихъ удачъ, находясь подъ впечатлѣніемъ рассказовъ тѣхъ изъ офицеровъ, которые уже видѣли ахаль-текинцевъ въ дѣлѣ во время прежнихъ рекогносцировокъ, подъ начальствомъ генерала Ломакина и во время похода пол-

ковника Маркова въ ноябрѣ 1872 года, съ пятью ротами сдѣлавшаго набѣгъ на текинскія крѣпости отъ Кизилъ-Арвата до Беурмы, причѣмъ онъ сжегъ до 1,500 кибитокъ и отогналъ большія стада барановъ,—всѣ только и мечтали о будущихъ успѣхахъ нашего оружія въ странахъ, куда еще не проникалъ глазъ европейца, не становилась нога цивилизованнаго человѣка. Никѣмъ изъ участниковъ экспедиціи не допускалось и мысли о возможности потерпѣть неудачу. Всѣ говорили, что мы идемъ воевать съ природою и климатомъ и что намъ надо побороть ихъ, а о неприятелѣ заботиться нечего. Безоружной ордѣ не подѣ силу воевать съ хорошо организованными войсками; можетъ быть, не зная силы нашего оружія, и попытаются текинцы вступить съ нами въ бой, но послѣ перваго опыта навѣрное или принесутъ повинную, или уйдутъ въ Мервъ и дальше,—говорило большинство офицеровъ.

Для сосредоточенія запасовъ поближе къ границѣ Ахаль-теке, для исправленія дорогъ за Чатомъ и Копанья, по предстоявшему отряду пути, колодцевъ, 6-го іюня отъ отряда былъ выдѣленъ авангардъ, ввѣренный начальству командира Кабардинскаго пѣхотнаго полка, флигель-адъютанта полковника князя Долгорукова, которому было предписано занять Дузь-Олумъ, за Чатомъ. Авангардный отрядъ составляли слѣдующія части: по баталіону отъ Куринскаго, Кабардинскаго и Александропольскаго пѣхотныхъ полковъ, полъ роты саперъ, 3-я и 4-я сотни Таманскаго казачьяго, 3-я и 4-я сотни Дагестанскаго конно-регулярнаго полковъ и по взводу полевой и горной Красноводской артилеріи; всего 2,260 человѣкъ и 840 лошадей.

Затрудненія по заготовкѣ продовольственныхъ запасовъ приводили въ отчаяніе И. Д. Лазарева. Вотъ что онъ писалъ, между прочимъ, въ помощнику главнокомандующаго отъ 21-го іюня: «Здѣсь приходится бороться съ такими случайностями, предвидѣть которыя не въ силахъ человѣческихъ. Что ни день, то сюрпризъ, то непредвидѣнная случайность. Съ такими прекрасными войсками, можно сказать цѣломъ арміи, какія находятся у меня подѣ командой, я бы давно окончилъ не только съ текинцами, но и съ Мервомъ, еслибы было приказано, но мнѣ приходится бороться съ несправностью морскихъ перевозочныхъ средствъ, съ моремъ, съ вѣтрами, вообще съ природою. Въ концѣ концовъ препятствія будутъ преодолены, но въ настоящую минуту они сильно затрудняютъ и парализуютъ всѣ расчеты и предположенія. Напримѣръ: приходятъ суда съ довольствіемъ, ихъ нужно выгружать, но какъ разъ въ это время поднимается непогода и выгрузка невозможна, затѣмъ погода устанавливается, но

суда пропадаютъ неизвѣстно гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Есть верблюды—нечего перевозить; есть припасы—нѣтъ верблюдовъ, и т. д. Конечно, я и не рассчитывалъ, чтобы все шло какъ по маслу; шероховатости неизбѣжны вообще на войнѣ, а въ пустынѣ тѣмъ болѣе; но я никогда не думалъ встрѣтить такую массу затрудненій. Самый главный врагъ—море; пришлось устраивать дамбу и пристань, но буря размывала всѣ работы; камышъ для фашиновъ возили за 30 верстъ. То барказъ затонулъ, то у межкосидящаго судна машина испортилась и везуть его въ Баку чинить. Въ Чекишлярѣ настоящая школа терпѣнія».

Въ отрядѣ всѣ ждали съ нетерпѣніемъ окончанія чекишлярскаго сидѣнія, однообразіе жизни котораго начинало всѣмъ надоѣдать страшно. Днемъ, бывало, положительно не знаешь, что дѣлать отъ скуки; обливаясь потомъ, сидишь себѣ въ палаткѣ, выходя изъ терпѣнія отъ надобляющихъ мухъ; лежать на постели, забравшись подѣ пологъ, значить во время дневной жары обречь себя на пытку, задохнуться отъ недостатка воздуха, выйти же куда нибудь изъ палатки во время полуденнаго зноя добровольно, а не по службѣ,—великій подвигъ, такъ какъ солнце съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе немилосерднымъ и жгло какъ огнемъ. Когда снадала жара, большинство какъ офицеровъ, такъ и солдатъ обыкновенно отпраивалось купаться въ морѣ, но и это удовольствіе было сопряжено съ большими неудобствами, такъ какъ приходилось идти, по крайней мѣрѣ, версту чуть не по щиколку въ водѣ, прежде чѣмъ достигнешь сносной для купанья глубины. За то какое наслажденіе послѣ дневной жары, расслабляющей организмъ, окунуться въ сравнительно прохладную влагу, выйдя изъ которой человѣкъ сразу чувствуетъ себя бодрѣе, сильнѣе. Войскамъ было разрѣшено купаться утромъ до 9 часовъ и вечеромъ отъ 5 до 9 час., такъ какъ въ остальное время солнечные лучи могли бы вредно дѣйствовать на купающихся. Во время купанья море, мертвое Каспійское море, страшно оживлялось; по всей линіи лагеря въ водѣ ходили, плавали, барахтались человѣческія фигуры, повсюду раздавались веселые крики, неумолчный говоръ солдатиковъ, шутки, смѣхъ, иногда крупная ругань, обращенная къ выкинувшему надѣ ругающимся въ водѣ какую нибудь штуку,—все это смѣшивалось и въ общемъ представляло очень оживленную картину. Вечеромъ нѣкоторые офицеры составляли у себя въ палаткѣ карточную игру, которая, впрочемъ, вообще не принимала большихъ размѣровъ вслѣдствіе отсутствія денегъ у офицеровъ и очень рѣдко бывала азартной. Отсутствіе денегъ ощущалось не только младшими офицерами, но и

организаторами экспедицій, на первых же порахъ оставшимися что называется безъ гроша. Отпускаемая казною на нужды экспедиціи первоначальныя суммы (цифры которыхъ, къ сожалѣнію, я не знаю), быстро изсякли, и до присылки новыхъ суммъ въ казначействѣ ахальтекинскаго отряда было пусто, причемъ, такъ какъ отпуска производились сравнительно незначительными суммами, а встрѣтившаяся необходимость въ расходахъ уже на первыхъ порахъ показала, насколько они превысятъ первоначально асигнованную сумму, то подобные безденежные періоды ставили нѣсколько разъ въ затруднительное положеніе начальника отряда. Первый асигнованный на нужды экспедиціи миліонъ былъ уже израсходованъ къ началу іюня, и 9-го числа, съ цѣлью лично выяснитъ стѣсненное положеніе отряда главнокомандующему, былъ командированъ въ Тифлисъ полковникъ Гродековъ. Недостатокъ серебряной банковской монеты сдѣлалъ то, что первоначальное распоряженіе о выдачѣ пятой части жалованья серебряными рублями было отмѣнено. Съ нетерпѣніемъ ожидали всѣ прихода почты, которую обыкновенно привозили почтовые пароходы два раза въ недѣлю; притомъ до половины іюля въ Чекишлярѣ получалась только простая корреспонденція, за денежной же и за посылками изрѣдка командировался въ Баку кто нибудь изъ офицеровъ, что, разумѣется, было въ высшей степени неудобно. Впослѣдствіи неудобство это было уничтожено и, кромѣ того, разрѣшено изъ отряда посылать письма бесплатно, причемъ слѣдовало только на адресѣ написать: «изъ ахальтекинскаго экспедиціоннаго отряда». Хотя телеграфной линіи еще не было, но уже устанавливались столбы для соединенія Чекишляра съ Астрабадомъ, персидскимъ портомъ, откуда намъ уже приходилось пользоваться англо-индо-европейской линіей. Полевого казначейства еще не было, а всѣ суммы отпускались отъ отряднаго интендантства, причемъ писмоводство въ отрядѣ было сокращено по возможности; такъ, напримѣръ, всѣ денежные требованія, обыкновенно представляемыя въ трехъ экземплярахъ, во время экспедиціи подавались въ одномъ. Въ такъ-называемой базарной части Чекишляра, какъ только спадала дневная жара, обыкновенно господствовало большое оживленіе, повсюду сновали бродячіе, что нибудь покупающіе или пришедшіе поглазѣть солдаты всевозможныхъ частей, казаки, туркмены, милиціонеры. Количество торгующихъ съ каждымъ днемъ все прибавлялось, во многихъ мѣстахъ ставились новыя помѣщенія, въ видѣ кибитокъ, палатокъ, а также приступлено было къ постройкѣ нѣсколькихъ домиковъ. На морскомъ берегу стояла кибитка, впереди которой было устроено, прикрытое отъ солнца брезентами, утверж-

денными на кибиточныхъ основныхъ рѣшеткахъ, помѣщеніе, открытое къ сторонѣ моря, посреди котораго находился столъ: это ресторанъ m-lle Pauline, старой знакомой бывавшихъ во время войны въ Александрополѣ, гдѣ она тоже держала что-то въ родѣ ресторана. M-lle Pauline Saligont—женщина балзаковского періода, съ пробивающейся уже сѣдиной, вѣчно любезная, очень обходительная, болтливая какъ француженка, хотя и брала за все ужасныя цѣны, но все-таки привлекала въ свою кибитку многихъ, такъ какъ, во первыхъ, въ то время была единственной женщиной въ отрядѣ, а, во вторыхъ, совмѣщала въ себѣ всѣ достоинства, присущія француженкамъ. Вѣчно живая, энергичная, она даже, казалось, не поддавалась влиянію жары и хотѣла, еслибы на то хватило у ней средствъ и еслибы получила разрѣшеніе, двинуться дальше за отрядомъ. Зайдя однажды въ ресторанъ, засталъ я у ней сидящимъ за бутылкой эля какого-то господина, вся внѣшность котораго была въ высшей степени оригинальна. Начиная отъ костюма, который состоялъ изъ русскаго военного кителя съ бѣлыми металлическими пуговицами и узенькими погонами, англійскаго кепи съ бѣлымъ полотнянымъ чехломъ и вазатыльникомъ, татарскихъ шароваровъ изъ желтаго верблюжьяго сукна и длинныхъ сапогъ, кончая его сухой, узкоплечей фигурой, съ лицомъ, носившимъ отпечатокъ очень бурно проведенной жизни, съ рѣдкой темной бородою и мутными глазами,—все поневолѣ заставило обратить на него вниманіе. Въ походной жизни знакомства пріобрѣтаются быстро; не нужны бываютъ представленія и рекомендаціи: просто заговорилъ—и знакомство дѣлается совершеннымъ фактомъ. Ломанымъ французскимъ языкомъ обратился онъ ко мнѣ съ какимъ-то вопросомъ; за первымъ слѣдовалъ второй, и не прошло и получаса, какъ я уже узналъ почти всю біографію моего собесѣдника, оказавшагося специальнымъ корреспондентомъ англійской извѣстной газеты «Daily News», г. Эдмондомъ О'Донованомъ. Если вѣрить его рассказамъ, то дѣйствительно жизнь его есть цѣлый рядъ приключеній и происшествій. Изгнанный изъ Англіи, какъ одинъ изъ главныхъ участниковъ возстанія феніевъ, предварительно высидѣвъ довольно продолжительный срокъ въ одной изъ тюремъ Великобританскаго королевства. О'Донованъ, какъ ирландецъ, по его словамъ, вынесъ изъ родной страны страшную ненависть ко всему, что есть на свѣтѣ англійскаго. Оторванный отъ семьи и отъ близкихъ ему людей, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, выбралъ онъ прибыльную въ Англіи специальность газетнаго корреспондента, выискивая страны, въ которыхъ событія данной минуты давали наибольшее количество матеріала

для сообщений; такимъ образомъ переносился онъ изъ Америки въ Испанію, во время карлистскаго возстанія, приче́мъ умудрился побывать у обѣихъ воюющихъ сторонъ; во время послѣдней войны сопровождалъ армію Мухтара-паши въ Азіатской Турціи, окончивъ свое пребываніе въ этомъ краѣ въ высшей степени оригинально и плачевно, такъ какъ былъ торжественно изгнанъ Дервишемъ-пашою передъ занятіемъ Батума нашими войсками, приказавшаго вынести его силою изъ дома и отнести на пароходъ, такъ какъ О'Донованъ отказался повиноваться приказу. Провѣдавъ о приготовленіяхъ къ ахальтекинской экспедиціи, онъ отправился въ Тифлисъ и тамъ, какъ корреспондентъ газеты, всегда относившейся къ Россіи сочувственно, получилъ разрѣшеніе сопутствовать отряду. Обладая большимъ недостаткомъ какъ человѣкъ, а именно пристрастіемъ къ спиртнымъ напиткамъ, О'Донованъ, какъ корреспондентъ, имѣлъ неоспоримыя достоинства, выработанныя, разумѣется, навыкомъ и привычкою къ своей специальности. Почти съ каждой почтой отправлялъ онъ свои корреспонденціи, всегда очень значительныя по объему, умѣя находить для нихъ матеріалъ, изъ такой бѣдной по интересу жизни, какъ жизнь нашего отряда. Не зная русскаго языка и говоря очень мало по турецки, О'Донованъ неизбѣжно долженъ былъ впадать въ грубыя ошибки въ своихъ описаніяхъ, смѣшивая названіе племени атабаевцевъ съ какимъ-то небывалымъ ауломъ и тому подобное, но вообще его корреспонденціи были настолько интересны, что переводились на русскій языкъ и печатались въ нашихъ газетахъ.

При однообразіи обыденной жизни, при бѣдности новостей, каждое извѣстіе ловилось что называется на лету, комментировалось и быстро обходило весь лагерь. Въ іюнь мѣсяцъ изъ авангарда не получалось никакихъ извѣстій; очевидно было, что тамъ полное бездѣйствіе и выжиданіе наступательнаго движенія; о текинцахъ ни слуха, ни духа; о туркменахъ же заговорили по случаю произведеннаго поворота Атрека по прежнему естественному его руслу. Нужно замѣтить, что Атрекъ впадалъ прежде въ Каспійское море у сѣверной оконечности Гасанъ Кулійскаго залива, верстахъ въ двѣнадцати отъ Чекишляра. Впослѣдствіи Атрекъ сталъ мѣнять свое русло, приче́мъ иногда отводился, значительно уклоняясь на югъ, иногда же вновь принималъ свое естественное направленіе, что зависѣло отъ того, какое изъ туркменскихъ племенъ брало верхъ; когда осиливали атабаевцы, то, устраивая плотины, сворачивали Атрекъ по южному направленію; когда же были въ силѣ джафарбаевцы — то вновь отводили воду къ естественному руслу. Въ 1872 году атабаевцы по-

строили плотину верстахъ въ 60-ти отъ устья Атрека и направили этимъ сооруженіемъ рѣку гораздо южнѣе, заставивъ ее проходить по персидскимъ владѣніямъ, мимо своихъ зимовокъ, и съ тѣхъ поръ рѣка, до времени сосредоточенія войскъ у Чекишляра, текла по этому новому руслу, заставивъ и нашихъ приатрексскихъ кочевниковъ перекочевать на персидскую сторону. Между тѣмъ, для движенія нашихъ войскъ на Чатъ, намъ предстояли двѣ дороги: сѣверная—на колодцы Караджа-Батырь и южная—на колодцы Бевюнъ-Баши. Первый путь хотя и короче втораго на 30 верстъ, но менѣе богатъ водою, и войскамъ, въ первый же переходъ отъ Чекишляра, приходилось бы идти 50 верстъ безъ воды, вслѣдствіе чего дано было предпочтеніе второму направленію. Но, въ виду того, что въ Бевюнъ-Баши въ колодцахъ очень мало воды, а старое русло Атрека проходитъ вблизи этихъ колодцевъ, начальникъ отряда командировалъ подполковника Шелковникова произвести изслѣдованіе поворота Атрека, въ то время протекавшаго въ 37-ми верстахъ отъ Бевюнъ-Баши. Результатомъ поѣздки была отправка пристава съ сотнею Дагестанскаго конно-регулярнаго полка, съ цѣлью, собравъ туркменъ, прорыть сооруженную плотину и засыпать новой плотиною южное русло. Джафарбаевцы съ восторгомъ отозвались на наше требованіе и немедленно выставили 1,000 человѣкъ съ лопатами и топорами, между тѣмъ какъ атабаевцы наотрѣзъ отказались выполнить приказъ генерала—выставить 500 рабочихъ. Въ отвѣтъ на требованіе пристава нѣкоторые изъ нихъ взяли даже за оружіе и подняли крикъ, но должно быть присутствіе дагестанцевъ образумило ихъ, и вскорѣ 1,500 туркменъ, верхомъ на коняхъ, двинулись въ путь къ Кара-Баба. Пустивъ лошадей на пастбу, принялись туркмены за работу, приготовляя первоначально основаніе для плотины изъ деревьевъ, связывая ихъ жгутами изъ сѣна; бросивъ это основаніе въ воду, они принесли въ жертву пять барановъ и стали на бывшее уже въ водѣ основаніе накладывать сѣно съ глиною. Когда вода устремилась по вновь очищенному руслу, то туркмены потребовали отъ пристава еще пять барановъ для принесенія ихъ въ жертву, а начальникъ орошенія, мирабъ, попросилъ еще десять, увѣряя, что таковъ обычай. Когда привели барановъ, то мирабъ обратился къ народу съ рѣчью, содержаніе которой было то, что Господь помогъ имъ соорудить новую плотину, и такъ какъ они ее сдѣлали по приказанію Батырь-сардара (генерала Лазарева), то пусть отнынѣ она и называется Батырь-сардаръ-бендъ. Послѣ этой рѣчи туркмены бросили мираба въ воду, какъ того требовалъ вкоренившійся у нихъ обычай, прокри-

чали «благодареніе Богу» и въ этотъ моментъ отрубили головы десяти баранамъ. Ожидавшіеся благоприятные для насъ результаты поворота Атрека на дѣлѣ не осуществились и пользы при нашемъ движеніи не принесли никакой, такъ какъ вода не дошла до Бевюнъ-Баши по крайней мѣрѣ на восемь верстъ.

Атрекъ съ 1869 года считается границей между нашими и персидскими владѣніями, но по этой границѣ нѣтъ никакихъ постовъ или персидскихъ поселеній и только на впадающей южнѣ рѣкѣ Гюргенѣ, да и то на лѣвомъ берегу ея, персіяне выстроили крѣпость Ахъ-Каду, за стѣны которой, изъ боязни туркменъ, не рѣшаются показываться. Каково же было удивленіе въ отрядѣ, когда узнали, что какой-то персіянинъ прибылъ въ Гасанъ-Кули, аулъ, находящійся на нашей территоріи сѣвернѣ устья Атрека, на заливѣ того же имени, и производить тамъ выборъ мѣста для постройки укрѣпленія, заявляя, что еще по Атреку вслѣдствіе приказаній его правительства будетъ построено три крѣпости. Генералъ Лазаревъ предложилъ, чрезъ пристава, персіянину, оказавшемуся инженеръ-механикомъ, по фамиліи Аскеръ-ханъ, удалиться изъ нашихъ владѣній, на что Аскеръ-ханъ заявилъ, что онъ на персидской землѣ и повноваться русскимъ властямъ не намѣренъ. Какимъ образомъ его принудили прибыть въ Чекишляръ—я не знаю; но вскорѣ онъ былъ приведенъ къ генералу Лазареву и былъ имъ очень любезно принятъ; но никакія увѣренія нашего начальства не могли убѣдить его, что Гасанъ-Кули принадлежитъ не Персіи, а Россіи. Ему показали сперва русскую карту, потомъ англійскую; на послѣдней онъ самъ нашелъ Атрекъ и, проведя по этой пограничной рѣкѣ пальцемъ вплоть до ея устья, продолжилъ линію черезъ Гасанъ-Кулинскій заливъ и дальше черезъ Босу, на которой находился Гасанъ-Кулинскій аулъ, причемъ послѣдній оказался южнѣ проведенной имъ линіи, изъ чего слѣдовало, по его мнѣнію, что Гасанъ-Кули безспорно принадлежало Персіи. Ему на это генералъ Лазаревъ отвѣтилъ, что если онъ продолжитъ эту линію черезъ Каспійское море, то и Ленкорань, а можетъ быть и Баку окажутся персидскими городами, что вообще принято признавать естественныя границы, и что, дойдя пальцемъ до устья Атрека, ему слѣдовало вести линію вдоль берега залива, и тогда бы онъ убѣдился въ своей ошибкѣ. Тогда персидскій инженеръ указалъ на бывшую при немъ персидскую карту, говоря, что ею руководствуется его правительство. На этой картѣ большой Гасанъ-Кулинскій заливъ совсѣмъ не былъ показанъ, и Атрекъ впадалъ прямо въ море, сѣвернѣ аула. На это ему отвѣтили, что надо руководство-

ваться не его картой, а состояніемъ земной поверхности, послѣ чего его отпустили во-своица, причемъ начальникъ отряда подарилъ ему дорогіе золотые часы.

Генералъ Лазаревъ сильно рассчитывалъ на помощь со стороны персовъ въ дѣлѣ доставленія продовольствія отряду. Послѣдствія показали, что надежды оправдались только отчасти. Къ буджнурдскому хану Яръ-Мамедъ-хану отправленъ былъ штабсъ-капитанъ Зейнальбекъ съ высшей степени любезнымъ письмомъ отъ начальника отряда и съ подарками, въ числѣ которыхъ находился богатый кинжалъ, украшенный драгоценными камнями. Задобренный подарками и получившій отъ персидскаго правительства предложеніе не вмѣшиваться лично самому, но вмѣстѣ съ тѣмъ позволять жителямъ провинціи продавать и доставлять все необходимое нашему отряду, Яръ-Мамедъ-ханъ въ срединѣ іюня сообщилъ о своей полной готовности оказывать во всемъ полное содѣйствіе. Въ концѣ іюня начальнику отряда было сообщено изъ Персіи: 1) что дерегезскій или кучанскій ханъ, получивши отъ мервцевъ богатые подарки, отпустилъ къ нимъ нѣсколько своихъ артиллеристовъ для приведенія въ исправность отнятыхъ ими у персіяне въ 1861 году орудій и что этихъ артиллеристовъ мервцы обратно не отпускаютъ; 2) что въ Астрабадъ прибылъ какой-то текинскій шейхъ, рассказывавшій персіянамъ, что англичане предлагали текинцамъ денежную помощь; 3) что въ этомъ же городѣ проживалъ какой-то англичанинъ, имѣвшій намѣреніе пробраться въ Ахаль-теке, и 4) что текинцы хотѣли отвести Сумбаръ и тѣмъ поставить отрядъ въ затруднительное положеніе.

Послѣдній слухъ обратилъ вниманіе генерала Лазарева, немедленно приказавшаго авангарду устроить запруды на Сумбарѣ на случай прекращенія теченія воды, причемъ всегда имѣть запасы въ боченкахъ и другихъ сосудахъ, кромѣ того стараться задобрить каракалицевъ съ тѣмъ, чтобы они, живя около верховьевъ Сумбара, вновь пустили бы воду на случай, еслибы отводъ состоялся. Затѣмъ, на усиленіе авангарда изъ Чата былъ посланъ 1-й баталіонъ 81-го пѣхотнаго Аншеронскаго полка при взводѣ горной артилеріи, по прибытіи которыхъ авангарду предписывалось перейти въ Терсаканъ и укрѣпить этотъ пунктъ. Въ скоромъ времени туда же былъ посланъ изъ Чекишляра 4-й баталіонъ 162-го Ахалцхскаго пѣхотнаго полка.

Сосредоточеніе отряда вблизи туркменъ не пробудило въ послѣднихъ торговой дѣятельности; небольшое количество яицъ, нѣсколько курицъ—вотъ почти все, что приносилось туркменами изъ ближайшихъ ауловъ на базаръ. Открывшій въ Чекишлярѣ торговлю всевоз-

можными товарами красноводскій купецъ Александръ Кузьмичъ Даниловъ, болѣе извѣстный въ отрядѣ подъ именемъ Кузьмича, говорилъ мнѣ, что прежде онъ производилъ въ Чекишлярѣ довольно успѣшно мѣновую торговлю съ туркменами, причемъ за ситецъ, сукно и другіе товары получалъ паласы, ковры и всевозможныя ковровыя издѣлія, которыя всегда съ барышемъ сбывалъ въ Астрахани, но что, съ появленіемъ войскъ у Чекишяра, всякая мѣновая торговля прекратилась, и туркмены, если что и покупаютъ, то всегда на деньги. Между тѣмъ, странно то, что и въ отрядѣ туркмены не приносили своихъ ковровъ, дѣйствительно прелестныхъ и съ совершенно своеобразнымъ рисункомъ, по всей вѣроятности нашедшихъ бы многихъ покупателей.

Полковые праздники Эриванскаго гренадерскаго и Перелаславскаго драгунскаго полковъ были отпразднованы баталіономъ и дивизиономъ, отдѣленными отъ своихъ частей, такъ роскошно, что возбуждали удивленіе всѣхъ присутствовавшихъ, поражавшихся изобрѣтательностью устранивавшихся празднество распорядителей. Навѣсы были устроены изъ отдѣльныхъ полотнищъ tentes abris; стойки были обвиты зеленью и всевозможными украшеніями изъ мелкихъ ракушекъ, массами покрывающихъ морской берегъ около Чекишяра. Провизія, всѣ продукты и вина были привезены изъ Баку, и ужины прошаи, по кавказскому обычаю, съ выбраннымъ тулумбашемъ (1), на долю котораго выпало предложить не малое количество тостовъ. Эти праздники и скачки, устроенныя начальникомъ кавалеріи, свѣтлѣйшимъ княземъ Витгенштейномъ, хоть немного внесли оживленія въ сонную, однообразную, бездѣятельную жизнь. Скачки состоялись: первая—15-го іюля, а вторая—22-го числа того же мѣсяца, причемъ къ участію въ ней допускались лошади всѣхъ породъ, за исключеніемъ туркменскихъ. Какъ первая, такъ и вторая скачка производились въ присутствіи начальника отряда и массы любопытныхъ. Туркмены тоже пріѣхали и стояли группами, наблюдая за скачущими. Гладкая, какъ будто выровненная почва морскаго берега служила отличнымъ грунтомъ для скачки. На обѣихъ скачкахъ побѣдителями остались кабардинскія лошади. Что распорядители не допускали на состязаніе тѣхъ, кто успѣлъ пріобрѣсти себѣ туркменскихъ коней, было вполне рационально, такъ какъ хотя еще никто не испыталъ на дѣлѣ ихъ скорости, но, по рассказамъ и по складу лошадей, можно было судить о томъ, что онѣ навѣрное перегнали бы лошадей другихъ породъ.

(1) Провозгласителемъ тостовъ.

бывшихъ у офицеровъ. Лошадь есть главное богатство туркмена, такъ какъ только на лошади можно быстро совершать иногда значительныя разстоянія, отдѣляющія въ пустынѣ одинъ колодезь отъ другаго; только на лошади можно предпринимать набѣги съ цѣлью грабежа. Вслѣдствіе этихъ причинъ туркмены обращаютъ очень большое вниманіе на своихъ лошадей и на ихъ воспитаніе. Съ перваго взгляда кажется страннымъ тщательное укутываніе туркменами съ ногъ до головы своихъ лошадей войлочными попоны во время страшныхъ тропическихъ жаровъ; но въ сущности, въ этомъ краѣ оно вполне рационально, такъ какъ, во первыхъ, защищаетъ лошадь отъ прямого соприкосновенія съ солнечными лучами, а во вторыхъ, производитъ естественное тренированіе, совершая, посредствомъ выпотѣнія, выдѣленіе жировыхъ частицъ и оставляя лошади сухость, мускулы и легкость. По наружному виду, туркменская лошадь болѣе всего подходитъ къ типу англійской скаковой: такія же длинныя ноги, вытянутая шея и, вообще, длинный складъ; къ несчастью, почти всѣ онѣ узкогрудыя и, вообще, узкокостыя, что не мѣшаетъ имъ быть крайне выносливыми. Главное вниманіе, при воспитаніи лошадей, туркмены обращаютъ на приученіе къ перенесенію трудовъ и лишений, а вмѣстѣ съ тѣмъ на способность носить на себѣ большую тяжесть, такъ какъ, отправляясь въ дальнее странствованіе, туркменъ везетъ съ собою въ своихъ «хурджинахъ» за сѣдломъ и провіантъ для себя, и джугуру или ячмень для лошади вслѣдствіе того, что въ пустынѣ мало надежды на разживу. Приучивъ такимъ образомъ лошадь, туркменъ зачастую дѣлаетъ по 80 и даже по 100 верстъ нѣсколько дней сряду, чего бы, разумѣется, не было въ состояніи сдѣлать на верблюдѣ. Про послѣднихъ, впрочемъ, туркмены рассказываютъ, что въ Белуджистанѣ существуетъ особая порода верблюдовъ «джанбазъ» (въ переводѣ обозначаетъ имѣющій душу сокола), которые, будто бы, въ состояніи пробѣгать до 300 верстъ въ день. Но подобная быстрота невѣроятна и, къ сожалѣнію, не была проверена ни однимъ европейцемъ. У туркменъ нѣтъ табуновъ, нѣтъ разсадниковъ лошадиныхъ, а каждый владѣетъ тремя-четырьмя лошадьми, которыхъ и не отпускаетъ далеко отъ выбитки, на ночь надѣвая имъ на ноги путы и привязывая ихъ переднею ногою къ вбитому въ землю колу. Впрочемъ, въ Чекишлярѣ намъ не приходилось видѣть выдающихся туркменскихъ коней, такъ какъ тутъ все больше лошади іомудскія и гокланскія, не могущія сравниться съ теквинскими, про которыхъ видѣвшіе ихъ рассказывали чудеса. Нѣсколько десятковъ туркменскихъ миллионеровъ, которыхъ число намѣревались довести

о 600, владѣли неварачными, но, по всей вѣроятности, тоже выносливыми, втянувшимися въ условія степной жизни, лошадьми, на которыхъ и совершали свои быстрые переѣзды, развозя почту и пакеты отъ насъ въ авангардъ и обратно. Большой помощи въ смыслъ боевомъ ожидать отъ этой милиціи трудно, хотя, впрочемъ, ненависть, которую юмуды и гокланы питаютъ къ текинцамъ, въ связи съ страстью пограбить и съ надеждой на легкую наживу, можетъ быть заставятъ ихъ оказать въ дѣлѣ чудеса храбрости; но въ чемъ они укъвалю незамѣнимы и необходимы, такъ это въ развозной службѣ, это они доказали впоследствии, даже послѣ денгиль-тепинской недачи, въ одиночку и вдвоемъ пробираясь съ почтою по Ахаль-теке, рискуя ежеминутно попасть въ плѣнъ и быть звѣрски уничтоженными, если принять во вниманіе ненависть къ нимъ текинцевъ. По наружному виду туркменскіе милиціонеры представляли въ высшей степени оригинальную картину, о которой ясное понятіе можетъ себѣ составить каждый видѣвшій туркестанскія картины Верещагина: тѣ же алматы, тѣ же смуглыя лица, кривыя сабли сбоку, только вмѣсто алмазъ и тюрбановъ громадные барашковыя конусообразныя папахи, а выдѣлку которыхъ на каждую идетъ цѣлая шкура большого арана. Но между милиціонерами были не одни туркмены,—тутъ же были и киргизы, наконецъ въ составѣ этого полка состояла сотня изъ уроженцевъ Закавказскаго края, бывшая подъ командою извѣстаго борчалинскаго татарина, Самада Кусумова, подвиги котораго въ иную турецкую кампанію были уже описаны не разъ, и результатомъ которыхъ было три знака военнаго ордена, чины прапорщика подпоручика милиціи и ордена Станислава и Анны 3-й степени. послѣдствіи изъ этой сотни 31 человекъ, будучи посланы 4-го мая въ разѣздъ, болѣе не возвращались къ отряду. Что съ ними дѣлалось—навѣрное не могу сказать, но кажется, что они бѣжали въ Персію и оттуда вернулись на родину. Туркменскою сотнею командовалъ нѣкто Нефесъ-Мергенъ, житель аула, соедняго съ Красноводскомъ, питавшій страшную ненависть ко всему текинскому, такъ какъ текинцы, напавъ незадолго передъ экспедиціей на его аулъ, убили всю его семью. О храбрости Нефесъ-Мергена туркмены имѣли очень высокое мнѣніе и надѣялись, что онъ жестоко отомститъ текинцамъ. Образъ жизни и отсутствіе избалованности и прихотливости у милиціонеровъ сдѣлали возможными ограниченіе суточной порціи какъ имъ, такъ и верблюдоводамъ до слѣдующихъ размѣровъ: пшеничной муки 2 фунта, рису $\frac{3}{4}$ фунта, масла $\frac{1}{4}$ фунта и мяса 1 фунтъ; въ мѣсяцъ чаю $\frac{1}{2}$ фунта и сахару 2 фунта. Къ

нашимъ сухарямъ и вообще къ черному хлѣбу они никакъ не могли привыкнуть, а приготавливали себѣ лепешки изъ пшеничной муки, причемъ способъ печенія этихъ лепешекъ, по крайней мѣрѣ видѣнный мною у киргизовъ-милиціонеровъ, въ высшей степени неаппетитенъ, а именно: приготовленную изъ сыраго прѣснаго тѣста лепешку, круглую и плоскую, кладутъ они на землю и обкладываютъ взятымъ изъ горячаго костра тлѣющимъ кизякомъ, т. е. верблюжьимъ сухимъ каломъ. Такъ какъ въ этомъ кизякѣ, который они накладываютъ на лепешку цѣлой кучкой, огня уже нѣтъ, но еще сохранилось достаточно теплоты, то черезъ нѣкоторое время лепешка готова, золу разбрасываютъ, пыль сгребаютъ, приставшіе большіе куски кизяка отковыриваютъ ногтемъ отъ тѣста, а на маленькіе и не обращаютъ вниманія и съѣдаютъ вмѣстѣ съ лепешкой. Кромѣ того ими же готовится довольно вкусныя лепешки на бараньемъ жирѣ, которыя пекутся на сковородѣ.

Туркменская милиція, вооруженная ружьями системы Кринка, состояла подъ командою подполковника князя Бибутова, уже пожилаго человека, свободно владѣвшаго татарскимъ языкомъ, знаніе котораго приобрѣтено имъ во время его долголѣтней службы въ Дагестанѣ. Вообще, говорившіе по татарски безъ всякаго труда объяснялись съ туркменами, совершенно понимая ихъ. Повидимому разница самая незначительная существуетъ только въ произношеніи нѣкоторыхъ словъ и въ мѣстныхъ терминахъ. Милиціонеры жили въ кибиткахъ, расположенныхъ не по линіи лагеря, а немного въ сторонѣ, недалеко отъ боевъ, а сотня Самада отправлена была къ авангарду.

Отрядъ, принявшій названіе ахаль-текинскаго экспедиціоннаго отряда, состоялъ изъ слѣдующихъ частей: пѣхота—по одному баталіону Грузинскаго и Эриванскаго гренадерскихъ, Сводно-стрѣльцоваго, Кабардинскаго, Куринскаго, Навагинскаго, Ахалцихскаго и Александропольскаго, и по два баталіона Апшеронскаго, Дагестанскаго, Самурскаго и Ширванскаго полковъ; кавалерія—когно-прегулярный Дагестанскій полкъ, туркменская милиція, дивизионъ Переяславскаго драгунскаго полка, по четыре сотни Таманскаго и Полтавскаго кубанскихъ казачьихъ полковъ и по дивизиону Лабинскаго, Кубанскаго и Волгскаго-Терскаго; артилерія—4-я батарея 20-й артиллерійской бригады (8 орудій), Сводная батарея красноводской полевой артилеріи (4 горныхъ и 4 четырехъ-фунтовыхъ), дивизионъ 1-й Терской конной батареи; въ артилеріи было: въ 4-й батареѣ и Терскомъ конномъ дивизионѣ по одному ряду зарядныхъ ящиковъ, въ запряженной Красноводской и въ полевой полубатареѣ—по два ряда, а въ

торной—по 14-ти зарядныхъ ящиковъ на орудіе. Кромѣ того, для инженерныхъ работъ при отрядѣ была: 3-я рота 2-го Кавказскаго сапернаго баталіона. Всѣ эти части были по мирному составу; вполнѣ ствѣи, не получая пополненія, очень уменьшились въ составѣ вслѣдствіе усилившейся въ отрядѣ болѣзненности, развившейся въ борьбѣ съ климатическими условіями. Разслабляющая дисентерія, а въ особенности цынга, заставили медицинскую часть обратить на эти болѣзни серьезное вниманіе, вслѣдствіе чего оказывалось много неспособныхъ продолжать службу въ Закаспійскомъ краѣ, которыхъ и эвакуировали въ Петровскій госпиталь или же возвращали въ штабъ-квартиры полка, гдѣ пребываніе въ привычномъ климатѣ могло вновь возвратити утраченныя силы. Для обезпеченія отряда огнестрѣльными припасами имѣлось по числу войскъ экспедиціоннаго отряда: три комплекта патроновъ и снарядовъ, считая въ томъ числѣ и комплектъ, находившійся въ частяхъ. Остальной запасъ былъ распределенъ: а) въ подвижномъ артилерійскомъ паркѣ, возившемся за войсками на вьюкахъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: на пѣхотную винтовку полкомплекта, на кавалерійскую—2, на четырехъ-фунтовое орудіе—по 21-й гранатѣ, на горное—по 30-ти; б) въ передовомъ артилерійскомъ складѣ въ Чатѣ: на пѣхотную винтовку 1½ комплекта, на кавалерійскую—2, на четырехъ-фунтовыя орудія 239 снарядовъ и на горныя—166.

20-го іюля, нашъ дивизионъ получилъ приказаніе выступити на другой день въ Чатъ, гдѣ и выжидать общаго движенія отряда въ глубь страны. Расстояніе, отдѣляющее Чекишляръ отъ Чата, при маршрутѣ на колодцы Бевюнъ-Баши, считается въ 160¾ верстѣ, и весь путь, по выданному намъ маршруту, долженъ былъ быть совершенъ въ 10-ти-дневный срокъ. Съ вечера надо было заготовити необходимое количество верблюдовъ, такъ какъ собрать ихъ съ пастбища не такъ-то легко, и въ виду того, что мы намѣревались выступити изъ Чекишляра до разсвѣта, лучшею мѣрою было заставить верблюдожатыхъ съ ихъ верблюдами переночевать около лагеря, вблизи нашего расположенія, причемъ, распредѣливъ съ вечера вьюки и перевязавъ ихъ веревками, приспособити къ возкѣ на верблюжьихъ сѣдлахъ. Насколько велика потребность въ верблюдахъ при совершеніи степныхъ походовъ, можно судити изъ того, что дивизиону, съ запасомъ зерноваго фуража на 10 дней, изъ коихъ двухдневный запасъ возили на лошадяхъ, на 260 человекъ было дано 200 слишкомъ верблюдовъ. Начался верблюжий концертъ—неприятный ревъ, поднимаемый верблюдами, въ особенности когда ихъ или

заставляютъ ложиться на землю, для навьюченія или отдыха, или же поднимаютъ на ноги, причемъ обѣ эти процедуры производятся при помощи дерганья веревки, пропущенной черезъ отверстіе, продѣланное въ ноздрѣ. Иногда этотъ ревъ производится верблюдами вслѣдствіе физической боли, являющейся слѣдствіемъ этого подергиванья и безъ того болящихъ разорванныхъ ноздрей, иногда-же просто по привычкѣ. Мнѣ пришлось какъ-то присутствовать при производствѣ операціи, надо сознаться въ высшей степени варварской, прорѣзыванья ноздрей у молодыхъ верблюдовъ. Верблюда валяютъ на землю, и нѣсколько человекъ садятся на него, не давая ему вставать; затѣмъ веревками скручиваютъ ему морду и сворачиваютъ голову назадъ, послѣ чего туркмень, заостреннымъ деревяннымъ колышкомъ, начинаетъ буравити ноздрю, пока не сдѣлается дырка, въ которую и просовывается конецъ веревки, съ перекладиной съ наружной стороны. Сколько разъ на походѣ приходилось быть свидѣтелемъ, какъ вырывалась изъ ноздрей эта перекладина, разрывая ее, что происходитъ отъ способа привязыванія верблюдовъ, такъ какъ въ походѣ они идутъ длинной вереницею, одинъ за другимъ, причемъ веревка привязывается или къ сѣдлу предъидущаго, или къ хвосту; стоитъ только какому нибудь верблюду приостановиться, и дернутая впереди идущими верблюдами веревка вырываетъ ее изъ ноздри остановившагося, вызывая съ его стороны страшный жалобный ревъ. Вообще трудно себѣ представити болѣе несчастное животное, чѣмъ верблюдъ. Еще туземцы, сроднившіе съ ними, свыкшіеся, умѣютъ обходиться и занимаются ими; но, попадая въ руки нашему солдату, который въ скоромъ времени дѣлается его личнымъ врагомъ, существованіе верблюда становится нестерпимымъ. Нужно замѣтити, что во время ахаль-текинской экспедиціи не было издано въ началѣ похода никакихъ правилъ относительно разбора верблюдовъ и способа ухода за ними, разослали-же наставленія только вполнѣ ствѣи, когда большая часть животныхъ изъ состоявшихъ въ распоряженіи отряда своими трупами покрывала путь отъ Чекишляра до Денгиль-тепе. Что къ этому упряжному животному наши нижніе чины относились враждебно, то это очень понятно и естественно, такъ какъ, благодаря имъ, на долю солдатъ выпадало не мало труда. Не говоря уже о необходимомъ навьючиваніи и развьючиваніи при отправкѣ и по прибытіи къ мѣсту ночлега, но и во время пути усталый или просто заупрямившійся верблюдъ останавливается и преспокойно ложится на землю, подобравъ подъ себя ноги. Транспортъ останавливается, начинаются понуканья, подергиванья веревкою, если она уцѣлѣла, за-

тѣмъ идутъ толчки сперва каблуками отъ сапогъ, наконецъ и ружейными прикладами, усиливающіеся все болѣе и болѣе. Не надо забывать, что зачастую все это происходитъ при 40° жарѣ; а верблюдъ только реветъ, да оглядывается назадъ, стончески выдерживая удары и не предпринимая ни малѣйшихъ усилій для того, чтобы подняться на ноги. Послѣ усилій, иногда чуть не получасовыхъ, убѣдясь въ тщетности ихъ, конвоирующимъ транспортъ солдатамъ или казакамъ приходится вновь развьючивать наложенное на отказывающагося продолжать путь верблюда и навьючивать на запаснаго, или же производить раскладку на остальныхъ. Не прошло и четверти часа, а иногда и пяти минутъ, какъ та же исторія повторяется съ другимъ, третьимъ и т. д. Впрочемъ надо отдать справедливость, что большинство лежащихся и не встающихъ верблюдовъ дѣлаютъ это не вслѣдствіе упрямства, а по причинѣ полного изнуренія и упадка силъ, происходящаго, главнымъ образомъ, отъ недостатка питанія, такъ что, въ большинствѣ случаевъ, разъ легшій верблюдъ уже больше совсѣмъ не поднимается на ноги, пока не околѣетъ отъ голодной смерти и отъ жажды. Иногда верблюдъ, отдохнувъ, поднимается и начнетъ бродить по пустынѣ, пощипывая рѣдкіе сухіе кустики колючей травы, пока его не замѣтитъ ктонибудь изъ проходящихъ мимо и не загонитъ къ своимъ верблюдамъ. По приходѣ на мѣсто ночлега, развьючивъ верблюдовъ, пускаютъ ихъ на скудную пастбу и, если есть достаточно воды, то водятъ на водопой. Для охраны ихъ отъ любителей легкой наживы или отъ непріятельской партіи, приходится отряжать значительный караулъ, и опять-таки солдаты проклинали ихъ, считая, что безъ нихъ они бы теперь преспокойно отдыхали отъ трудовъ дневныхъ. Отсутствие достаточнаго количества верблюдовожатыхъ туземцевъ во время экспедиціи было причиною того, что неумѣвшіе обращаться съ «кораблями степи» наши солдаты, изъ которыхъ многіе только въ Чекишлярѣ впервые въ жизни увидели верблюда, считали разсѣдлованіе верблюдовъ совершенно ненужнымъ, а потому немного потертая спина, отъ пренія вслѣдствіе жары и отъ тренія вьюкомъ, быстро превращалась въ большую рану, въ которой заводились черви, и не смотря на это, пока верблюдъ могъ двигаться, все-таки его навьючивали и заставляли возить тяжести, не обращая вниманія на страшную физическую боль, которую онъ долженъ былъ чувствовать при прикосновеніи къ горбу. Къ иному верблюду нельзя было подойти близко вслѣдствіе вони, происшедшей отъ гніенія раны, а сѣдло все-таки не снималось. Недостатокъ верблюдовожатыхъ произошелъ,

главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что многіе изъ нанятыхъ спаслись бѣгствомъ изъ отряда въ свои кочевья, побросавъ своихъ верблюдовъ и каждый захвативъ только одного, на которомъ и удиралъ; другіе-же прихватывали, на всякій случай, еще нѣсколько штукъ лишнихъ. Вслѣдствіи, когда было болѣе обращено вниманія на устройство верблюжьего транспорта, эти бѣгства прекратились.

Наканунѣ нашего выступленія изъ Чекишляра была лунная, свѣтлая ночь; чистое, безоблачно небо, покрытое мириадами звѣздъ, предсказывало жаркій день; ни малѣйшаго признака вѣтра и гладкая какъ зеркало морская поверхность подкрѣпляли это предсказаніе. Разсвѣтъ засталъ насъ уже на коняхъ, двигающимися по направленію къ Чату, къ этому злополучному пункту, на долю котораго выпало не мало проклятій со стороны всѣхъ побывавшихъ въ «Чадахъ», какъ его называли нижніе чины. Лагерь еще спалъ; только одиночные люди попадались кое-гдѣ, да часовые мѣрно похаживали около знаменъ, значковъ и коновязей, когда мы увидели Чекишляръ и прощались съ Каспійскимъ моремъ, вступая въ море песковъ, тянувшихся верстъ на восемь сейчасъ-же за Чекишляромъ.

А. Ржевусскій.

(Продолженіе будетъ).